

**ТЕМА: ЛИСТАЯ СТРАНИЦА ПОЭМЫ. ОБРАЗЫ ПОМЕЩИКИ В ПОЭМЕ Н.В.ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»
(МАНИЛОВ, НОЗДРЕВ, СОБАКЕВИЧ, КОРОБОЧКА, ПЛЮШКИН)**

**«...Какой огромный,
оригинальный сюжет...
Вся Русь явится в нем!..» -
писал Гоголь Жуковскому.**

**«ЗНАЮ, ЧТО ИМЯ МОЁ ПОСЛЕ МЕНЯ
БУДЕТ СЧАСТЛИВЕЕ МЕНЯ»
Н.В.ГОГОЛЬ**

**ПОЭЗИЯ ГОГОЛЯ – ЭТО
КРИК УЖАСА И СТЫДА»
(Герцен)**

**«... угодливые невольники
власти и безжалостные
тираны своих рабов, пьющие
кровь и жизнь народа с той
же естественностью и
простодушием, с каким
ребенок сосет грудь своей
матери» (А.И.Герцен)**

Выполнила: учитель
русского языка и
литературы ТЮК
Эрсалиева С.М.

"КОЛЛЕЖСКИЙ СОВЕТНИК ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ ЧИЧИКОВ, ПОМЕЩИК, ПО СВОИМ НАДОБНОСТЯМ»

Вслед за Чичиковым, разъезжающим по России, Н.Гоголь ведет нас от одного помещика к другому, и чем дальше, тем больше раскрываются неприглядные картины их пошлой жизни и их низменные нравы.

«О себе приезжий, как казалось, избегал много говорить; если же говорил, то какими-то общими местами, с заметною скромностию, и разговор его в таких случаях принимал несколько книжные обороты: что он незначащий червь мира сего и не достоин того, чтобы много о нем заботились, что испытал много на веку своем, претерпел на службе за правду, имел много неприятелей, покушавшихся даже на жизнь его, и что теперь, желая успокоиться, ищет избрать наконец место для жительства, и что, прибывши в этот город, почел за непременно́й долг засвидетельствовать свое почтение первым его сановникам.»

В ГОСТЯХ У МАНИЛОВА

На вечеринке у губернатора познакомился Чичиков с весьма обходительным и учтивым помещиком Маниловым

"Да что же твой приятель не едет?" - "Погоди, душенька, придет". А вот вы наконец и удостоили нас своим посещением. Уж такое, право, доставили наслаждение... майский день... именины сердца...

ПОДЪЕЗЖАЯ КО ДВОРУ, ЧИЧИКОВ ЗАМЕТИЛ НА КРЫЛЬЦЕ САМОГО ХОЗЯИНА, КОТОРЫЙ СТОЯЛ В ЗЕЛЕНОМ ШАЛОНОВОМ СЮРТУКЕ, ПРИСТАВИВ РУКУ КО ЛБУ В ВИДЕ ЗОНТИКА НАД ГЛАЗАМИ, ЧТОБЫ РАССМОТРЕТЬ ПОЛУЧШЕ ПОДЪЕЗЖАВШИЙ ЭКИПАЖ. ПО МЕРЕ ТОГО КАК БРИЧКА БЛИЗИЛАСЬ К КРЫЛЬЦУ, ГЛАЗА ЕГО ДЕЛАЛИСЬ ВЕСЕЛЕЕ И УЛЫБКА РАЗДВИГАЛАСЬ БОЛЕЕ И БОЛЕЕ.

- Сделайте милость, не беспокойтесь так для меня, я пройду после, - говорил Чичиков.
 - Нет, Павел Иванович, нет, вы гость, - говорил Манилов, показывая ему рукою на дверь.
 - Не затрудняйтесь, пожалуйста, не затрудняйтесь. Пожалуйста, проходите, - говорил Чичиков.
 - Нет уж извините, не допущу пройти позади такому приятному, образованному гостю.
 - Почему ж образованному?.. Пожалуйста, проходите.
 - Ну да уж извольте проходить вы.
 - Да отчего ж?
 - Ну да уж оттого! - сказал с приятною улыбкою Манилов.
- Наконец оба приятеля вошли в дверь боком и несколько притиснули друг друга.

Деревня Маниловка

Деревня Маниловка немногих могла заманить своим местоположением. Дом господский стоял одиночкой на юру, то есть на возвышении, открытом всем ветрам, какие только вздумается подуть. Под двумя из них видна была беседка с плоским зеленым куполом, деревянными голубыми колоннами и надписью: "**храм уединенного размышления**"; пониже пруд, покрытый зеленью. У подошвы этого возвышения... темнели вдоль и поперек **серенькие** бревенчатые избы; нигде между ними растущего деревца или какой-нибудь зелени; везде глядело только одно бревно. Поодаль в стороне темнел каким-то **скучно-синеватым** цветом сосновый лес. Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день был **не то ясный, не то мрачный, а какого-то светло-серого цвета.**

Иногда, глядя с крыльца на двор и на пруд, говорил Манилов том, как бы хорошо было, если бы вдруг от дома провести подземный ход или чрез пруд выстроить каменный мост, на котором бы были по обеим сторонам лавки, и чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян. При этом глаза его делались чрезвычайно сладкими и лицо принимало самое довольное выражение; впрочем, все эти прожекты так и оканчивались только одними словами. В его кабинете всегда лежала какая-то книжка, заложённая закладкою на четырнадцатой странице, которую он постоянно читал уже два года.

ХАРАКТЕР МАНИЛОВА

Один бог разве мог сказать, какой был характер Манилова. Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни се, ни в городе Богдан ни в селе Селифан. На взгляд он был человек видный; черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару; в приемах и оборотах его было что-то заискивающее расположения и знакомства. Он улыбался заманчиво, был белокур, с голубыми глазами.

В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: "Какой приятный и добрый человек!" В следующую за тем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: "Черт знает что такое!" - и отойдешь подальше; если ж не отойдешь, почувствуешь скуку смертельную.

От него не дождешься никакого живого или хоть даже заносчивого слова, какое можешь услышать почти от всякого, если коснешься задирающего его предмета. У всякого есть свой задор: но у Манилова ничего не было.

Дома он говорил очень мало и большею частью размышлял и думал, но о чем он думал, тоже разве богу было известно.

Хозяйством нельзя сказать чтобы он занимался, он даже никогда не ездил на поля, хозяйство шло как-то само собою.

**ПОМЕЩИЦА КОРОБОЧКА НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА,
КОЛЛЕЖСКАЯ СЕКРЕТАРША**

Минуту спустя вошла хозяйка женщина пожилых лет, в каком-то спальном чепце, надетом наскоро, с фланелью на шее, одна из тех матушек, небольших помещиц, которые плачутся на неурожай, убытки и держат голову несколько набок, а между тем набирают понемногу деньжонок в пестрядевые мешочки, размещенные по ящичкам комодам.

Чичиков, несмотря на ласковый вид, говорил, однако же, с большею свободою, нежели с Маниловым, и вовсе не церемонился.

Деревня Коробочки

Подошедши к окну, он начал рассматривать бывшие перед ним виды: окно глядело едва ли не в курятник; по крайней мере, находившийся перед ним узенький дворик весь был наполнен птицами и всякой домашней тварью. Индейкам и курам не было числа; промеж них расхаживал петух мерными шагами; свинья с семейством очутилась тут же.

Этот небольшой дворик, или курятник, переграждал дощатый забор, за которым тянулись пространные огороды с капустой, луком, картофелем, светлой и прочим хозяйственным овощем. По огороду были разбросаны кое-где яблони и другие фруктовые деревья, накрытые сетями для защиты от сорок и воробьев. За огородами следовали крестьянские избы, которые хотя были выстроены врассыпную и не заключены в правильные улицы, но, по замечанию, сделанному Чичиковым, показывали довольство обитателей, ибо были поддерживаемы как следует: изветшавший тес на крышах везде был заменен новым; ворота нигде не покосились, а в обращенных к нему крестьянских крытых сараях заметил он где стоявшую запасную почти новую телегу, а где и две. "Да у ней деревушка не маленька", - сказал он и положил тут же разговориться и познакомиться с хозяйкой покороче. Он заглянул в щелочку двери и, увидев ее, сидящую за чайным столиком, вошел к ней с веселым и ласковым видом.

- Здравствуйте, батюшка. Каково почивали? - сказала хозяйка, приподнимаясь с места.

Настасья Петровна Коробочка – помещица, вдова коллежского секретаря, очень хозяйственная и бережливая пожилая женщина. Деревушка ее невелика, но все в ней исправно, хозяйство расцветает и, видно, приносит неплохой доход. Коробочка выгодно отличается от Манилова: она знает всех своих крестьян («...не вела никаких записок, ни списков, а знала почти всех наизусть»), отзывается о них как о хороших работниках («все славный народ, все работники»), сама занимается хозяйством – «вперила глаза в ключницу», «мало-помалу вся переселилась в хозяйственную жизнь».

Помещица не вела никаких записок, ни списков, а знала почти всех наизусть; он заставил ее тут же продиктовать их. Некоторые крестьяне несколько изумили его своими фамилиями, а еще более прозвищами, так что он всякий раз, слыша их, прежде останавливался, а потом уже начинал писать. Особенно поразил его какой-то Петр Савельев Неуважай-Корыто, так что он не мог не сказать: "Экой длинный!", другой имел прицепленный к имени "Коровий кирпич", иной оказался просто: Колесо Иван.

- ...Матушка: скажите, у вас умирали крестьяне?
- Ох, батюшка, осьмнадцать человек - сказала старуха, вздохнувши. - И умер такой все славный народ, все работники. ... Народ мертвый, а плати, как за живого...
- Уступите-ка их мне, Настасья Петровна? ... Или, пожалуй, продайте. Я вам за них дам деньги... да не только избавлю, да еще сверх того дам вам пятнадцать рублей. Ну, теперь ясно?
- Право, не знаю, - произнесла хозяйка с расстановкой. - Ведь я мертвых никогда еще не продавала...
- «...ну, баба, кажется, крепколобая!» - подумал про себя Чичиков.
- Право, отец мой, никогда еще не случалось продавать мне покойников. - Право, я боюсь на первых-то порах, чтобы как-нибудь не понести убытку. Может быть, ты, отец мой, меня обманываешь, а они того... Они больше как-нибудь стоят. ... "Эк ее, дубинноголовая какая! - Сказал про себя Чичиков, уже начиная выходить из терпения...
- Право, - отвечала помещица, - ... А может, в хозяйстве-то как-нибудь под случай понадобятся...

ПОМЕЩИК НОЗДРЁВ

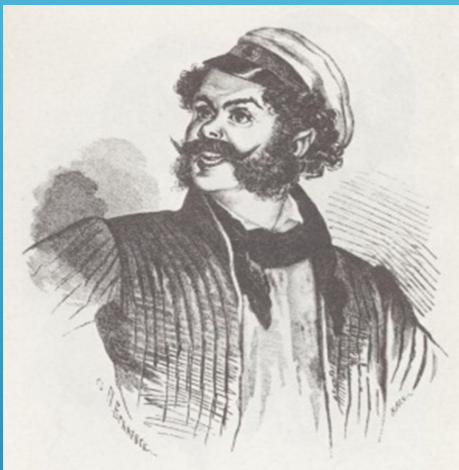
Это был среднего роста, очень недурно сложенный молодец с полными румяными щеками, с белыми, как снег, зубами и черными, как смоль, бакенбардами. Свеж он был, как кровь с молоком; здоровье, казалось, так и прыскало с лица его.

- Ба, ба, ба! - вскричал он вдруг, расставив обе руки при виде Чичикова. - Какими судьбами?

Ноздрев был в некотором отношении **исторический человек**. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории. Какая-нибудь история непременно происходила: или выведут его под руки из зала жандармы, или принуждены бывают вытолкать свои же приятели. Если же этого не случится, то все-таки что-нибудь да будет такое, чего с другим никак не будет: или нарежется в буфете таким образом, что только смеется, или провретя самым жестоким образом, так что наконец самому делается совестно. И наврет совершенно без всякой нужды. Есть люди, имеющие страстишку **нагадить ближнему**, иногда вовсе без всякой причины. Такую же странную страсть имел и Ноздрев. Чем кто ближе с ним сходился, тому он скорее всех насаливал: распускал небылицу, глупее которой трудно выдумать, расстраивал свадьбу, торговую сделку и вовсе не почитал себя вашим неприятелем; напротив, если случай приводил его опять встретиться с вами, он обходился вновь по-дружески и даже говорил: "ведь ты такой подлец, никогда ко мне не заедешь".

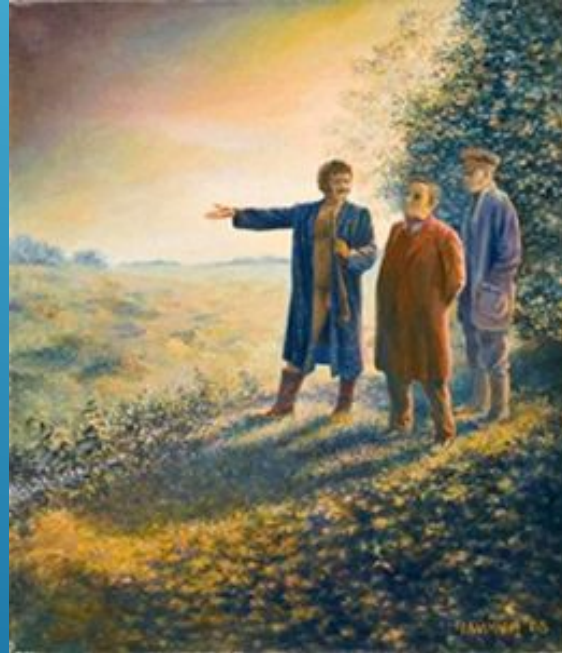

Таких людей приходилось всякому встречать немало. Они называются разбитными малыми, Дружбу заведут, кажется, навек: но всегда почти так случается, что подружившийся подерется с ними того же вечера на дружеской пирушке. Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народ видный. Ноздрев в тридцать пять лет был таков же совершенно, каким был в осьмнадцать и двадцать: охотник погулять. Дома он больше дня никак не мог усидеть. Чуткий нос его слышал за несколько десятков верст, где была ярмарка со всякими съездами и балами; он уж в одно мгновение ока был там, спорил и заводил сумятицу за зеленым столом, ибо имел, подобно всем таковым, страстишку к картишкам. В картишки играл он не совсем безгрешно и чисто, и потому игра весьма часто оканчивалась другою игрою: или поколачивали его сапогами, или же задавали передержку его густым и очень хорошим бакенбардам, так что возвращался домой он иногда с одной только бакенбардой. Но здоровые и полные щеки его так хорошо были сотворены и вмещали в себе столько растительной силы, что бакенбарды скоро вырастали вновь, еще даже лучше прежних.

Ноздрев во многих отношениях был **многосторонний** человек, то есть человек на все руки. В ту же минуту он предлагал вам ехать куда угодно, хоть на край света, войти в какое хотите предприятие, менять все что ни есть на все, что хотите. Ружье, собака, лошадь - все было предметом мены, но вовсе не с тем, чтобы выиграть: это происходило просто от какой-то неугомонной юркости и бойкости характера. Если ему на ярмарке посчастливилось напасть на простака и обыграть его, он закупал кучу всего, что прежде попадалось ему на глаза в лавках: хомутов, курительных свечек, платков для няньки, жеребца, изюму, серебряный рукомойник, голландского холста, крупчатой муки, табаку, пистолетов, селедок, картин, точильный инструмент, горшков, сапогов, фаянсовую посуду - насколько хватало денег. Впрочем, редко случалось, чтобы это было довезено домой; почти в тот же день спускалось оно все другому, счастливейшему игроку, иногда даже прибавлялась собственная трубка с кисетом и мундштуком, а в другой раз и вся четверня со всем: с коляской и кучером, так что сам хозяин отправлялся в коротеньком сюртучке или архалуке искать какого-нибудь приятеля, чтобы попользоваться его экипажем.

ВОТ КАКОЙ БЫЛ НОЗДРЕВ!

- Вот на этом поле, - сказал Ноздрев, указывая пальцем на поле, - русаков такая гибель, что земли не видно; я сам своими руками поймал одного за задние ноги. ...

Ноздрев повел своих гостей по полю, которое во многих местах состояло из кочек. Гости должны были пробираться между перелогами и избороненными нивами.

Чичиков начал чувствовать усталость. Во многих местах ноги выдавливали под собою воду...

Сначала они было береглись и переступали осторожно, но потом, увидя, что это ни к чему не служит, брели прямо, не разбирая, где большая, а где меньшая грязь. Прошедши порядочное расстояние, увидели, точно, границу, состоявшую из деревянного столбика и узенького рва.

- Ну так купи собак. Я тебе продам такую пару, просто мороз по коже подирает! Брудастая, с усами, шерсть вверх, как щетина. Бочковатость ребр непостижимая, лапа вся в комке, земли не заденет.
- Да зачем мне собаки? Я не охотник.
- Да мне хочется, чтобы у тебя были собаки. Послушай, если уж не хочешь собак, так купи у меня шарманку, чудная шарманка.

- Отчего ж ты не хочешь играть (в карты) ? - сказал Ноздрев.

- Ну оттого, что не расположен. Да, признаться сказать, а вовсе не охотник играть.

- Отчего ж не охотник?

Чичиков пожал плечами и прибавил:

- Потому что не охотник.

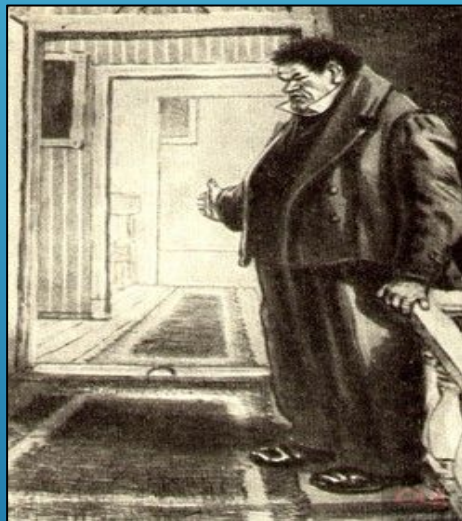
- Дрянь же ты!

- Что ж делать? так бог создал.

- Фетюк просто! Я думал было прежде, что ты хоть сколько-нибудь порядочный человек, а ты никакого не понимаешь обращения. С тобой никак нельзя говорить, как с человеком близким... никакого прямодушия, ни искренности! совершенный Собакевич, такой подлец!

ПОМЕЩИК СОБАКЕВИЧ МИХАИЛ СЕМЁНОВИЧ

... (Чичиков) познакомился с несколько неуклюжим на взгляд Собакевичем, который с первого раза ему наступил на ногу, сказавши: "Прошу прощения"

Когда Чичиков взглянул искоса на Собакевича, он ему на этот раз показался весьма похожим на средней величины медведя. Для довершение сходства фрак на нем был совершенно медвежьего цвета, рукава длинные, панталоны длинные, ступнями ступал он и вкривь и вкось и наступал беспрестанно на чужие ноги. Цвет лица имел каленый, горячий, какой бывает на медном пятаке. Известно, что есть много на свете таких лиц, над отделкою которых натура недолго мудрила, не употребляла никаких мелких инструментов, как-то: напильников, буравчиков и прочего, но просто рубила со своего плеча:хватила топором раз - вышел нос,хватила в другой - вышли губы, большим сверлом ковырнула глаза и, не обскобливши, пустила на свет, сказавши: "живет!" Такой же самый крепкий и на диво стаченный образ был у Собакевича: держал он его более вниз, чем вверх, шеей не ворочал вовсе и в силу такого неповорота редко глядел на того, с которым говорил, но всегда или на угол печки, или на дверь. Чичиков еще раз взглянул на него искоса, когда проходили они столовую: медведь! Совершенный медведь! Нужно же такое странное сближение: его даже звали Михайлом Семеновичем.

ДЕРЕВНЯ СОБАКЕВИЧА

Скоро, однако ж, показавшаяся деревня Собакевича рассеяла его мысли. Деревня показалась ему довольно велика; два леса, березовый и сосновый, как два крыла, одно темнее, другое светлее, были у ней справа и слева; посреди виднелся деревянный дом с мезонином, красной крышей и темными или, лучше, дикими стенами, - дом вроде тех, как у нас строят для военных поселений и немецких колонистов. Было заметно, что при постройке его зодчий беспрестанно боролся со вкусом хозяина. Зодчий был педант и хотел симметрии, хозяин - удобства и, как видно, вследствие того заколотил на одной стороне все отвечающие окна и провертел на место их одно маленькое, вероятно понадобившееся для темного чулана. Фронтон тоже никак не пришелся посреди дома, как ни бился архитектор, потому что хозяин приказал одну колонну сбоку выкинуть, и оттого очутилось не четыре колонны, как было назначено, а только три. Двор окружен был крепкою и непомерно толстою деревянною решеткой.

ПОМЕЩИК, КАЗАЛОСЬ, ХЛОПОТАЛ МНОГО О ПРОЧНОСТИ.

НА КОНЮШНИ, САРАИ И КУХНИ БЫЛИ УПОТРЕБЛЕНЫ ПОЛНОВЕСНЫЕ И ТОЛСТЫЕ БРЕВНА, ОПРЕДЕЛЕННЫЕ НА ВЕКОВОЕ СТОЯНИЕ.

ДЕРЕВЕНСКИЕ ИЗБЫ МУЖИКОВ ТОЖЕ СРУБЛЕНЫ БЫЛИ НА ДИВО: НЕ БЫЛО КИРПИЧНЫХ СТЕН, РЕЗНЫХ УЗОРОВ И ЗАТЕЙ, НО ВСЕ БЫЛО ПРИГНАНО ПЛОТНО И КАК СЛЕДУЕТ.

ДАЖЕ КОЛОДЕЦ БЫЛ ОБДЕЛАН В ТАКОЙ КРЕПКИЙ ДУБ, КАКОЙ ИДЕТ НА МЕЛЬНИЦЫ ДА НА КОРАБЛИ. СЛОВОМ, ВСЕ, НА ЧТО НИ ГЛЯДЕЛ ОН, БЫЛО УПОРИСТО, БЕЗ ПОШАТКИ, В КАКОМ-ТО КРЕПКОМ И НЕУКЛЮЖЕМ ПОРЯДКЕ...

Зная привычку его наступать на ноги, он очень осторожно передвигал своими и давал ему дорогу вперед. Хозяин, казалось, сам чувствовал за собою этот грех и тот же час спросил: "Не побеспокоил ли я вас?" Но Чичиков поблагодарил, сказав, что еще не произошло никакого беспокойства и вошел в гостиную. Собакевич показал на кресла, сказавши опять: "Прошу!"

Садясь, Чичиков взглянул на стены и на висевшие на них картины. На картинах все были молодцы, все греческие полководцы, гравированные во весь рост... Все эти герои были с такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по телу.

Между крепкими греками, неизвестно каким образом и для чего, поместился Багратион, тощий, худенький, с маленькими знаменами и пушками внизу и в самых узеньких рамках. Потом опять следовала героиня греческая Бобелина, которой одна нога казалась больше всего туловища тех щеголей, которые наполняют нынешние гостиные.

Хозяин, будучи сам человек здоровый и крепкий, казалось, хотел, чтобы и комнату его украшали тоже люди крепкие и здоровые. Возле Бобелины, у самого окна, висела клетка, из которой глядел дрозд темного цвета с белыми крапинками, очень похожий тоже на Собакевича. Гость и хозяин не успели помолчать двух минут, как дверь в гостиной отворилась и вошла хозяйка, дама весьма высокая, в чепце с лентами, перекрашенными домашнею краскою. Вошла она степенно, держа голову прямо, как пальма.

- КАКАЯ Ж ВАША БУДЕТ ПОСЛЕДНЯЯ ЦЕНА? - СКАЗАЛ НАКОНЕЦ СОБАКЕВИЧ.
- ДВА С ПОЛТИНОЮ.
- ПРАВО У ВАС ДУША ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ВСЕ РАВНО ЧТО ПАРЕНАЯ РЕПА. УЖ ХОТЬ ПО ТРИ РУБЛИ ДАЙТЕ!
- НЕ МОГУ.
- НУ, НЕЧЕГО С ВАМИ ДЕЛАТЬ, ИЗВОЛЬТЕ! УБЫТОК, ДА НРАВ ТАКОЙ СОБАЧИЙ: НЕ МОГУ НЕ ДОСТАВИТЬ УДОВОЛЬСТВИЯ БЛИЖНЕМУ. ВЕДЬ, Я ЧАЙ, НУЖНО И КУПЧУЮ СОВЕРШИТЬ, ЧТОБ ВСЕ БЫЛО В ПОРЯДКЕ.
- РАЗУМЕЕТСЯ.
- НУ ВОТ ТО-ТО ЖЕ, НУЖНО БУДЕТ ЕХАТЬ В ГОРОД. ТАК СОВЕРШИЛОСЬ ДЕЛО.

ПОМЕЩИК СТЕПАН ПЛЮШКИН

Когда бричка была уже на конце деревни, он подозвал к себе первого мужика, который, попавши где-то на дороге претолстое бревно, тащил его на плече, подобно неумомимому муравью, к себе в избу.

- Эй, борода! а как проехать отсюда к Плюшкину, так чтоб не мимо господского дома?

Мужик, казалось, затруднился сим вопросом.

- Что ж, не знаешь?

- Нет, барин, не знаю.

- Эх, ты! А и седым волосом еще подернуло! скрягу Плюшкина не знаешь, того, что плохо кормит людей?

- А! заплатанной, заплатанной! - вскрикнул мужик.

УСАДЬБА ПЛЮШКИНА

Чичиков не заметил, как въехал в середину обширного села со множеством изб и улиц. Скоро, однако же, дал заметить ему это препорядочный толчок, произведенный бревенчатою мостовою, пред которою городская каменная была ничто. Эти бревна, как фортепьянные клавиши, подымались то вверх, то вниз, и необерегшийся ездок приобретал или шишку на затылок, или синее пятно на лоб, или же случалось своими собственными зубами собственными зубами откусить пребольно хвостик собственного же языка. Какую-то особенную ветхость заметил он на всех деревенских строениях: бревно на избах было темно и старо; многие крыши сквозили, как решето; на иных оставался только конек вверху да жерди по сторонам в виде ребр...

Окна в избенках были без стекол, иные были заткнуты тряпкой или зипуном; балкончики под крышами с перилами, неизвестно для каких причин делаемые в иных русских избах, покосились и почернели даже не живописно. Из-за изб тянулись во многих местах рядами огромные клады хлеба, застоявшиеся, как видно, долго; цветом походили они на старый, плохо выжженный кирпич, на верхушке их росла всякая дрянь, и даже прицепился сбоку кустарник. Хлеб, как видно, был господский. Из-за хлебных кладей и ветхих крыш возносились и мелькали на чистом воздухе, то справа, то слева, по мере того как бричка делала повороты, две сельские церкви, одна возле другой: опустевшая деревянная и каменная, с желтенькими стенами, испятнанная, истрескавшаяся.

Частями стал выказываться господский дом и наконец глянул весь в том месте, где цепь изб прервалась и наместо их остался пустырем огород или капустник, обнесенный низкою, местами изломанною городьбою. Каким-то дряхлым инвалидом глядел сей странный замок, длинный, длинный непомерно

Зеленая плеснь уже покрыла ветхое дерево на ограде и воротах. Толпа строений: людских, амбаров, погребов, видимо ветшавших, - наполняла двор; возле них направо и налево видны были ворота в другие дворы.

Все говорило, что здесь когда-то хозяйство текло в обширном размере, и все глядело ныне пасмурно.

Ничего не заметно было оживляющего картину: ни отворявшихся дверей, ни выходивших откуда-нибудь людей, никаких живых хлопот и забот дома! Только одни главные ворота были растворены, и то потому, что въехал мужик с нагруженною телегою, покрытою рогожею, показавшийся как бы нарочно для оживления сего вымершего места; в другое время и они были заперты наглухо, ибо в железной петле висел замок-исполин.

У одного из строений Чичиков скоро заметил какую-то фигуру, которая начала вздорить с мужиком, приехавшим на телеге. Долго он не мог распознать, какого пола была фигура: баба или мужик. Платье на ней было совершенно неопределенное, похожее очень на женский капот, на голове колпак, какой носят деревенские дворовые бабы, только один голос показался ему несколько сиплым для женщины. "Ой, баба! - подумал он про себя и тут же прибавил: - Ой, нет!" - "Конечно, баба!" - наконец сказал он, рассмотрев попристальнее. Фигура с своей стороны глядела на него тоже пристально.

По висевшим у ней за поясом ключам и по тому, что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиков заключил, что это, верно, ключница.

- Послушай, матушка, - сказал он, выходя из брички, - что барин?..
- Нет дома, - прервала ключница, не дожидаясь окончания вопроса, и потом, спустя минуту, прибавила: - А что вам нужно?
- Есть дело!
- Идите в комнаты! - сказала ключница, отворотившись и показав ему спину, запачканную мукою, с большой прорехою пониже.

Он вступил в темные широкие сени, от которых подуло холодом, как из погреба. Из сеней он попал в комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную светом, выходящим из-под широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, он наконец очутился в свету и был поражен представшим беспорядком.

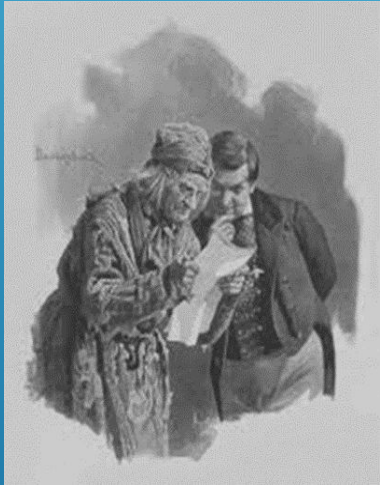
...В углу комнаты была навалена на полу куча того, что погрубее и что недостойно лежать на столах. Что именно находилось в куче, решить было трудно, ибо пыли на ней было в таком изобилии, что руки всякого касавшегося становились похожими на перчатки; заметнее прочего высовывался оттуда отломленный кусок деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никак бы нельзя было сказать, чтобы в комнате сей обитало живое существо, если бы не возвещал его пребыванье старый, поношенный колпак, лежавший на столе.

...Сено и хлеб гнили, клады и стоги обращались в чистый навоз, хоть разводи на них капусту, мука в подвалах превратилась в камень, и нужно было ее рубить, к сукнам, холстам и домашним материям страшно было притронуться: они обращались в пыль. Он уже позабывал сам, сколько у него было чего, и помнил только, в каком месте стоял у него в шкафу графинчик с остатком какой-нибудь настойки, на котором он сам сделал наметку, чтобы никто воровским образом ее не выпил, да где лежало перышко или сургучик.

Ему случалось видеть немало всякого рода людей, ... но такого он еще не видывал. Лицо его не представляло ничего особенного. Гораздо замечательнее был наряд его: никакими средствами и стараниями нельзя бы докопаться, из чего состряпан был его халат: рукава и верхние полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идет на сапоги; назади вместо двух болталось четыре полы, из которых охлопьями лезла хлопчатая бумага. На шее у него тоже было повязано что-то такое, которого нельзя было разобрать: чулок ли, подвязка ли, или набрюшник, только никак не галстук. Словом, если бы Чичиков встретил его, так принаряженного, где-нибудь у церковных дверей, то, вероятно, дал бы ему медный грош. У этого помещика была тысяча с лишком душ, и попробовал бы кто найти у кого другого столько хлеба зерном, мукою и просто в кладях, у кого бы кладовые, амбары и сушилы загромождены были таким множеством холстов, сукон, овчин выделанных и сыромятных, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной. Заглянул бы кто-нибудь к нему на рабочий двор, где наготовлено было на запас всякого дерева и посуды, никогда не употреблявшейся, - ему бы показалось, уж не попал ли он как-нибудь в Москву на щепной двор.

ТОРГ с ПЛЮШКИНЫМ

- А у вас есть и беглые? - быстро спросил Чичиков, очнувшись.

- В том-то и дело, что есть...

- А сколько их будет числом?

- Да десятков до семи тоже наберется.

- Нет?

-А ей-богу так! Ведь у меня что год, то бегают. Народ-то больно прожорлив, от праздности завел привычку трескать, а у меня есть и самому нечего...

...будучи подвигнут участием, он (Чичиков) готов дать... но что это такая безделица, о которой даже не стоит и говорить.

- А сколько бы вы дали? - спросил Плюшкин и сам ожидовел: руки его задрожали, как ртуть.

- Я бы дал по двадцати пяти копеек за душу.

- Только, батюшка, ради нищеты-то моей, уже дали бы по сорока копеек...

- Ну, видите ли, я вдруг постигнул ваш характер. Итак, почему ж не дать бы мне по пятисот рублей за душу, но... состоянья нет; по пяти копеек, извольте, готов прибавить, чтобы каждая душа обошлась, таким образом, в тридцать копеек.

- Ну, батюшка, воля ваша, хоть по две копейки пристегните:

- По две копеечки пристегну, извольте.

**«...И ДО ТАКОЙ НИЧТОЖНОСТИ, МЕЛОЧНОСТИ, ГАДОСТИ МОГ СНИЗОЙТИ ЧЕЛОВЕК!
МОГ ТАК ИЗМЕНИТЬСЯ!
И ПОХОЖЕ ЭТО НА ПРАВДУ?»**

**ВСЕ ПОХОЖЕ НА ПРАВДУ, ВСЕ МОЖЕТ СТАТЬСЯ С ЧЕЛОВЕКОМ.
НЫНЕШНИЙ ЖЕ ПЛАМЕННЫЙ ЮНОША ОТСКОЧИЛ БЫ С УЖАСОМ,
ЕСЛИ БЫ ПОКАЗАЛИ ЕМУ ЕГО ЖЕ ПОРТРЕТ В СТАРОСТИ.
ЗАБИРАЙТЕ ЖЕ С СОБОЮ В ПУТЬ,
ВЫХОДЯ ИЗ МЯГКИХ ЮНОШЕСКИХ ЛЕТ В СУРОВОЕ ОЖЕСТОЧАЮЩЕЕ МУЖЕСТВО,
ЗАБИРАЙТЕ С СОБОЮ ВСЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ,
НЕ ОСТАВЛЯЙТЕ ИХ НА ДОРОГЕ,
НЕ ПОДЫМЕТЕ ПОТОМ!
ГРОЗНА СТРАШНА ГРЯДУЩАЯ ВПЕРЕДИ СТАРОСТЬ,
И НИЧЕГО НЕ ОТДАЕТ НАЗАД И ОБРАТНО!
МОГИЛА МИЛОСЕРДНЕЕ ЕЕ, НА МОГИЛЕ НАПИШЕТСЯ:
"ЗДЕСЬ ПОГРЕБЕН ЧЕЛОВЕК!",
НО НИЧЕГО НЕ ПРОЧИТАЕШЬ В ХЛАДНЫХ, БЕСЧУВСТВЕННЫХ ЧЕРТАХ БЕСЧЕЛОВЕЧНОЙ
СТАРОСТИ»**